

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Валерий Маркович Паверман... Писать об этом человеке одновременно легко и очень непросто. Легко — потому что говорить можно много и о разном. Непросто — по той же причине. Не секрет, что Валерий Маркович был личностью удивительно светлой, незаурядной и разносторонней. В памяти попеременно всплывают разные его ипостаси, которые, наверно, можно свести к трем основным: ученый-филолог, артистическая личность, учитель. Все они, безусловно, тесно переплетаются между собой, создавая неповторимый, уникальный образ того, кто был кумиром и любимцем многих поколений студентов, являя собой своеобразную визитную карточку филфака УрГУ.

Паверман-лектор. С полной уверенностью могу сказать: каждое его выступление, будь то лекция в студенческой, школьной или любой другой аудитории, доклад на научной конференции, просто разговор в кругу друзей и коллег, не говоря об участии в капустниках, — это всегда моноспектакль, зрелище, всегда запоминающийся праздник, всегда событие (или, по-гачевски, со-бытие, где сам факт происходящего обязательно сопрягается с «со», с включенностью личности в бытие, потому что быть на лекции Павермана, слушать ее и не участвовать, не откликнуться — невозможно). И даже в последние годы, когда состояние здоровья не могло не оказывать влияния на восприятие слушателей, любовь и восхищение последних оставались прежними. Вспомнить, к примеру, ежегодный сборник, издаваемый студентами заочного отделения факультета журналистики (к ним на лекции Валерий Маркович всегда шел особенно охотно), где в рубрике «самый запомнившийся преподаватель» всегда были эссе о нем — теплые, иногда восторженные, всегда написанные с искренней благодарностью за подаренный слушательский опыт.

Во многом лекторскому успеху Павермана способствовал его необыкновенный артистизм. Профессор В. В. Эйдинова в связи с этим очень точно заметила: «Мы все говорим и пишем об искусстве. А он был само это искусство». Творческая составляющая личности В. М. Павермана проявлялась не только в его исполнительском таланте, но и в его бесконечной любви к музыке, театру, художественному слову.

Любовь к музыке, безусловно, передалась ему по наследству. Сын известного дирижера, создателя свердловского филармонического оркестра да и собственно филармонии Марка Израйлевича Павермана, Валерий Маркович всегда крайне трепетно относился к делу и имени своего отца. Он был действительно очень благодарным и любящим сыном. Однажды в разговоре он признался, что не стал профессиональным музыкантом только потому, что очень боялся неизбежного сравнения с отцом, но при этом без музыки не мог помыслить своей жизни. Он наизусть знал почти весь мировой оперный репертуар, мог с ходу напеть даже не самые известные арии из произведений русских и зарубежных классиков. Собранной им фонотеке мог бы позавидовать любой меломан. Но самое главное — это то, что эти любовь и преданность музыке не замыкались на нем самом. Все свои знания,

свой богатый музыкальный опыт он открыто и всегда с большой радостью дарил окружающим его людям. Это был по-настоящему щедрый Просветитель, готовый в любую минуту, с ходу, без подготовки рассказать, рассказать увлекательно, по-павермановски, практически о любом композиторе и о его творении.

Искрометный юмор, острословие, отличная память на театральные байки и на анекдоты и умение их преподнести, пожалуй, первое, что приходит на память при имени Павермана. Именно они во многом помогали ему держать внимание любой аудитории, привлекать, располагать к себе тех, кто находился рядом. Они, вкупе с неподдельным человеческим обаянием (или, как сказали бы сейчас, харизмой), делали его выступления такими живыми и запоминающимися. Впрочем, как и его розыгрыши, большим любителем которых он был. Невольными жертвами его имитаторских способностей, умения подделывать голоса и жесты не раз становились преподаватели и сотрудники как факультета, так и университета (точнее, университетов, так как размах личности Валерия Марковича не мог ограничить себя рамками одного учебного подразделения).

Вместе с тем не менее важными составляющими личности В. М. Павермана были собранность, скрупулезность и ответственность, даже гиперответственность. Особенно во всем, что касалось филологического труда, литературоведческой науки. Он мог часами проверять и перепроверять даты, названия, имена героев, страницы, по которым цитировался текст. Для него это было естественно, так как, по его глубокому убеждению, именно внимание к мелочам, деталям, в конечном счете и определяет культуру любого исследователя.

Свой путь ученого и университетского преподавателя Валерий Маркович начал в 1969 г. До этого была школа, затем красный диплом университета, распределение в поселок Монетный, где он два с половиной года проработал учителем русского языка и литературы. Возвращение в родной город было связано с получением места заведующего литературной частью в Свердловском театре юного зрителя. Возможно, именно эта должность частично определила сферу будущих научных интересов профессора Павермана — театр, драматургия. А может, уже упомянутая выше личная предрасположенность к сцене, лицедейству, к этому особому волшебному миру заставила его сначала взяться за переводы пьес англоязычных авторов, а позднее профессионально изучать их. В любом случае, привязанность к драматическому искусству В. М. Паверман сохранил до конца своих дней, не пропуская практически ни одной значительной премьеры, будь то гастрольные или свои, свердловские спектакли. На многие постановки им были написаны развернутые рецензии в местной прессе. Данный факт, кстати сказать, привел ко вступлению в Союз журналистов России, и своей принадлежностью к пишущим коллегам Валерий Маркович всегда очень гордился.

За время работы в университете Валерием Марковичем был прочитан весь (от античной до новейшей) курс зарубежной литературы на разных факультетах университета, успешно защищены две диссертации: на степень кандидата искусствоведения — по драматургии С. Моэма и докторская — «Американская драматургия 60-х годов XX века: динамика художественной формы».

Пожалуй, самими напряженными в жизни В. М. Павермана стали 1990-е гг., когда он организовывал, в связи с открытием на филфаке нового (романо-германского) отделения кафедру зарубежной литературы. И в этом новом начинании проявилась ещё одна важная сторона его личности — его уважительное и трепетное отношение к своим коллегам и студентам. Невозможно вообразить себе, чтобы Валерий Маркович разговаривал с кем-либо на повышенных тонах, отчитывал, поучал, и даже когда он вынужден был делать замечания, это было трагедией не для того, кому предназначалась его речь, а для него самого. Этим же объяснялись и обилие четверок и пятерок в студенческих ведомостях, подписанных Паверманом. Для него поставить неудовлетворительную отметку было просто невозможно, потому что это значило бы усомниться в трудоспособности, ответственности, в лучших человеческих качествах отвечающего, и, как это ни странно, многие студенты разных поколений говорили о том, что идти к нему на зачет неподготовленным было просто стыдно. Пожалуй, если пытаться найти некую формулу, определяющую сущность педагогического дара Павермана, то она могла бы выглядеть следующим образом: не поучал, но учил, учил своим личным примером, учил своим обаянием и оптимизмом.

Время, когда Валерий Маркович заведовал кафедрой, навсегда запомнится его коллегам царившей тогда той особой — павермановской — атмосферой человеческой теплоты, уюта, взаимного уважения и взаимной помощи. Чего стоят одни только, как он называл их, «выходы в свет», имея в виду посещения кафедрой филармонии, Театра оперы и балета, драмтеатра. Он устраивал нам встречи с ведущими режиссерами, лекторами, учеными Екатеринбурга, за что мы до сих пор испытываем самую искреннюю благодарность.

Его уход — это действительно большая потеря для всех. Для преподавателей и студентов, для филологов и музыкантов, для тех, кто уже покинул стены университета и кто все еще связан с ним.